

людей пустяками занимается». ⁶⁷ Здесь чрезвычайно важно то обстоятельство, что в самой повести Карамзина «Бедная Лиза» никто из героев имен на дереве не вырезает, поэтому поведение паломников у Лизиного пруда определяется не столько этой повестью, сколько сложившимся стереотипом поведения «чувствительного» читателя.

Свидетельства мемуаристов подтверждают безусловную связь имени на дереве с литературным климатом эпохи и одновременно фиксируют появление иронического к ним отношения. Вместе с тем насмешки И. А. Иванова или скептицизм последнего утверждения С. Н. Глинки в отношении надписи на дереве не оправдались — она осталась в обиходе, хотя со временем разнообразные по жанрам, тематике и по технике исполнения граффити и стали постепенно вытеснять в быту вырезание имени на дереве. Менялось и место надписи — с исчезновением из культурного ландшафта «сентиментальной» рощи имя с дерева перекочевало на скамейки и садовые скамейки, а затем и на школьные парты. Много времени спустя В. В. Набоков вспоминал свою юношескую влюбленность в именини под Петербургом: «В начале того лета, и в течение всего предыдущего, имя Тамара появлялось (с той напускной наивностью, которая так свойственна повадке судьбы, приступающей к важному делу) в разных местах нашего имения. Я находил его написанным химическим карандашом на беленой калитке, или начерченным палочкой на красноватом песке аллеи, или недовырезанным на спинке скамьи, точно сама природа, миная нашего старого сторожа, вечно воевавшего с вторжением дачников в парк, предупреждала меня о приближении Тамары». ⁶⁸ Несмотря на буколическую ностальгию этого фрагмента воспоминаний, Набоков отдавал себе отчет в том, что отношение к имени на дереве уже не было столь трогательным или экзальтированным как в XVIII веке, оно могло быть безжалостно осмеяно и опозлено. Герой его романа «Машенька» (1926), размышляя о давних встречах с возлюбленной «на высокой площадке над рекой», где «стояли под липами скамьи и железный круглый стол с дыркой посередине для стока дождевой воды», вспоминал, как «однажды, когда они встретились там в солнечный вечер после бурного ливня, на садовом столе оказалась хулиганская надпись. Деревенский озорник соединил их имена коротким и грубым глаголом, безграмотно начав его с буквы „и“». Надпись была сделана химическим карандашом и слегка расплылась от дождя». ⁶⁹

Осквернение выраженных в надписи возвышенных или благородных чувств началось давно (ср. хотя бы фрагмент из поэмы Некрасова), при этом о поэтической генеалогии имени на дереве никто из читателей надписей не вспоминал. Имя (написанное или вырезанное) растворилось в ряду других надписей на деревьях, по отношению к которым сложи-

⁶⁷ ИРЛИ, ф. 309, № 276, л. 71 об. В латинской фразе сделана конъектура, в рукописи читается «Lisa quae te dementa».

⁶⁸ Набоков В. Другие берега. М., 1989. С. 114–115.

⁶⁹ Набоков В. Истребление тиранов: Избр. проза. Минск, 1989. С. 61–62. Осквернение надписи могло стать и темой анекдота, см.: Курганов Е. Анекдот как жанр. СПб., 1997. С. 121.